

Султанова Юлия Фанисовна

ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ЗВУЧАНИЕ РОМАНА Л. М. ЛЕОНОВА "РУССКИЙ ЛЕС"

Статья посвящена философскому осмыслению романа Л. М. Леонова "Русский лес". Исследованы художественные особенности произведения, тема, идея, мифопоэтика. В результате анализа доказано, что в основе авторского замысла лежит идейно-эстетическая категория закономерного движения жизни, вокруг которой группируются все остальные проблемы, затронутые в произведении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 166-168. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 80

Филологические науки

Статья посвящена философскому осмыслению романа Л. М. Леонова «Русский лес». Исследованы художественные особенности произведения, тема, идея, мифопоэтика. В результате анализа доказано, что в основе авторского замысла лежит идейно-эстетическая категория закономерного движения жизни, вокруг которой группируются все остальные проблемы, затронутые в произведении.

Ключевые слова и фразы: философская проза; критическая литература; мифопоэтика; мифологема; архетип.

Султанова Юлия Фанисовна*Башкирский государственный университет (филиал) в г. Бирске**Juliya.Sj@mail.ru***ЛИРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ЗВУЧАНИЕ РОМАНА Л. М. ЛЕОНОВА «РУССКИЙ ЛЕС»©**

Роман Л. Леонова «Русский лес» был рассмотрен критиками с разных точек зрения. Литературоведы анализировали вопросы поэтики, особенности композиции, идейно-художественное своеобразие, историю создания, экологические проблемы, систему образов, авторскую концепцию. Однако в основе своей, это были попытки односторонней трактовки рассматриваемых вопросов. В этой связи «<...> панорамное рассмотрение <...> леоновского слова как такового, а тем более с «орбиты» художественной и нравственно-философской культуры человечества, что как раз и определяет основные фундаментальные и содержательные планы романа, – это <...> еще только задача будущего» [6, с. 8]. Л. Леонов находит совершенно иную, чем у других писателей, манеру отображения окружающей действительности. Отличным является все: и язык, и построение произведений, и средства поэтики. Этот прием изображения носит определение «философская проза», для которой характерен «<...> особый способ (принцип) художественного мышления и эстетического обогащения, материализующийся в совокупности поэтических признаков иной природы, чем в традиционной прозе» [Там же, с. 23-24]. Л. Ершов считает, что «русский философский роман разительно отличается от знакомых <...> наиболее развитых форм этого вида прозы. Если во французском философском романе центральное место занимали политико-социологические, в немецком – гносеологические, то у русских авторов основу произведений составляли этические проблемы. Отсюда же их повышенный интерес к психологии, вообще к конкретным, до боли живым и трепетным человеческим характерам» [Цит. по: 2, с. 27]. Исследователь выделяет три направления русской философской прозы. Одно из них – «лирико-философское». К этому направлению относят творчество М. Пришвина. В его произведениях «<...> запечатлен неустанно совершающийся процесс познания связей и закономерностей в отношениях между человеком и природой, вековым народным опытом и современной цивилизацией, между общей целью человечества и национальной судьбой» [1, с. 33]. Ко второму направлению – «гротескно-фантастическое» – можно отнести творческое наследие М. Булгакова, для которого характерно «сочетание сатирического и фантастического, абсурдного и реального, призрачного и действительного с постоянными экскурсами в далекую историю <...>» [Там же, с. 33-34]. Третье направление «<...> философско-драматическое, философско-эпическое с подчеркнутым вниманием к решению этических вопросов в их теснейшей связи с исторической и конкретной социально-исторической эволюцией общества <...>» [Там же, с. 34] нашло отражение в творчестве Л. Леонова, В. Астафьева, В. Белова, Ю. Бондарева, В. Распутина.

В критической литературе нет единого определения темы романа «Русский лес», исследователи приводят разнообразные варианты. М. Лобанова считает, что центральной темой произведения является война. И. Зотов и В. Ковалев утверждают, что основополагающей в романе является тема леса. Е. Старикова пишет, что «роман построен только как следствие по делу Грацианского, которое ведется Полей, Морщихиным и автором» [Цит. по: 6, с. 48]. Большинство исследователей сводится к мысли, что основу произведения составляют идейные столкновения героев-антиподов Вихрова и Грацианского. «Сюжет, – считал Л. Леонов, – это мотор, который все движет в произведении» [Цит. по: 2, с. 83]. В связи с этим, даже если взаимоотношения ученых составляют одну из нитей развития конфликта, в произведении есть и другие силы, воздействующие на развитие сюжета. Так, идейная борьба героев-антагонистов происходит преимущественно не в ходе встреч, а на страницах периодической литературы. Непосредственных встреч между Вихровым и Грацианским было не так много. Наиболее продолжительное общение происходило в момент обучения в Лесотехническом институте. Второй разговор состоялся после возвращения Вихрова из ссылки «<...> в деканском кабинете <...>, за полчасика перед одним, весьма памятным обсуждением вихровской деятельности» [3, с. 172]. Третья встреча произошла в момент приезда Грацианского и Чередилова в лесничество. Четвертая встреча сорвалась. Таиска не впустила Грацианского, явившегося «<...> полюбоваться на мертвое тело <...>» [Там же, с. 345] Вихрова после бегства жены. Во время пятой встречи Грацианский неоднократно пытался уязвить Вихрова расспросами об отъезде его супруги. Шестая встреча состоялась на собрании в институте после того, как «<...> особая комиссия во главе с Грацианским десять дней изучала его (*Вихрова – прим. автора – Ю. С.*) преподавательскую

деятельность <...> [Там же, с. 404] и поставила <<...> вопрос о снятии Вихрова с кафедры <...> [Там же]. Восьмая встреча происходила на квартире Вихрова, когда Грацианский явился поздравить его с получением правительственной награды. Инициатором девятой встречи был Вихров. Он идет к Грацианскому для того, чтобы выяснить позицию своего оппонента в их многолетнем споре. Таким образом, большинство встреч между героями проходят в домашней обстановке, открытая борьба между ними происходит только один раз. Как правило, Грацианского не интересуют научные достижения Вихрова, его занимают факты из личной жизни ученого, которые можно использовать в качестве компромата.

Сам Л. Леонов говорил о том, что основой композиции произведения является его первая фраза: «Каждая вещь должна иметь сквозную логику, нитку, потянув за которую можно было бы весь роман или повесть распустить, как джемпер <...>» [Цит. по: 6, с. 51] или «я стараюсь разместить материал так, чтобы образовать внутри него нужную фигуру дополнительного воздействия. Я создаю в романе вторую композицию, развиваю особую мысль» [Цит. по: Там же, с. 57]. Роман «Русский лес» начинается с описания приезда Аполлинария Вихровой в Москву: «Поезд пришел точно по расписанию, но Вари не оказалось на перроне. Кое-как перебравшись с багажом в сторонку, Поля долго искала в толпе это исполнительное и доброе существо, милейшее на свете после мамы» [3, с. 9] и далее: «Поле сразу стало легко и радостно от солнышка, от встречного ветерка, от обилия заманчивых приключений, ожидавших ее в будущем, а в душе на все лады пелась любимая ее поговорка, эпитафией надписанная в дневничке: —И вот былинку понесла река!» [Там же, с. 11], а из «распахнутых окошек гремела одна и та же торжественная радиомызыка с единственно возможным названием — п р и г л а ш е н и е к ж и з н и» [Там же, с. 12]. Таким образом, центральной темой романа является исследование категории жизни на всех ярусах ее выражения. На протяжении всего произведения автор рассматривает с разных точек зрения вопрос о закономерности течения жизни. С этой темой связаны все сюжетные линии романа, раскрывающие проблемы рационального природопользования, патриотизма, войны, гуманизма, будущего человечества и отдельных людей. Борьба двух жизненных позиций, составляющая основу произведения, заканчивается явной победой добра над злом. Об этом говорил и главный герой произведения ученый Иван Вихров в своей знаменитой вводной лекции для студентов первого курса: «<...> весь тернистый путь развития материи — от амебы до гордого, мыслящего человека — внушает нам веру в еще одну победу света над тьмой, разума над зверством <...>» [Там же, с. 269], а также: «мысли о будущем и поставленных под угрозу источниках жизни требуют великого разговора народов <...>» [Там же, с. 297]. С этой мысли произведение начинается и ею же и заканчивается. Вернувшись в родные места после долгого отсутствия, Вихров встретил маленького мальчика и поинтересовался: «Как зовут-то тебя? — И, уже потрясенный, знал наперед, что услышит то редкостное, ставшее для него священным имя.

— Калинка, — тихо сказал мальчик, беря с его ладони протянутый пирожок.

Это не было чудом, ни даже удивительным совпадением, а самое обыкновенное в природе продолжение жизни. Несмотря ни на что, он и не мог прерваться, сгинуть вовсе, поток веселого, пенного, мудрого вещества» [Там же, с. 692]. Данный пример служит наглядным образцом единства природы и человека в философской прозе.

Название романа <<...> приобретает значение, приблизительное мыслимое как «русский вопрос» (в широком историческом смысле), «русский феномен» культурно-нравственного развития, «русский путь» в мировой истории и даже «русская душа» как обозначение русского менталитета» [6, с. 62]. Во время допроса Поля Вихровой немецкий офицер приходит к выводу, что <<...> все прежние неудачи военного освоения России проистекали из невежества завоевателей, изучавших калибры ее пушек и численность гарнизонов вместо проникновения в наиболее сокровенные духовные тылы. Путем самостоятельного мышления офицер пришел к выводу, что в крепостях важнее всего моральная начинка их защитников, а не толщина кирпичной кладки, за которой они укрываются» [3, с. 569]. Но даже <<...> после стольких проявленных усилий Россия по-прежнему казалась дремучим лесом этому вдумчивому и деятельному офицеру» [Там же, с. 570]. Таким образом, заглавие романа раскрывает сквозную тему произведения, воплощает «дополнительный, <...> смысловой и эмоциональный уровень» [6, с. 63].

В письме к В. А. Ковалеву Л. Леонов писал: «сдается мне, человечество малость заблудилось на карте времен, как это свойственно отдельным организмам и популяциям в целом с приближением к некоей критической стадии биологического созревания, на подобном нашему горному перевале в другую, непохожего климата страну с былинным шекспировским вопросом на рубеже — можно ли. Нужно ли и вообще — быть или не быть?» [Цит. по: 7, с. 91]. В этом высказывании раскрывается ведущая идея творчества писателя: постановка вечных вопросов дальнейшего развития жизненного пути человечества, то есть «выйти ли в новую преобразующую природу, исполнив высшее свое предназначение разумной силы мироздания (но каковы тут границы возможного и невозможного, целесообразного и нелепого?) или —**а** быть» вообще?» [Там же].

Исследование мифопоэтики произведения во многом помогает раскрытию философского содержания романа. Особую роль играет мифологема леса. Как правило, «в первобытных и языческих мифах, особенно же в мифологии христианской, лес предстает одним из местопребываний сил, враждебных человеку» [5, с. 5]. В романе Л. Леонова лес напротив помощник человека: «<...> лес кормил, одевал, грел нас, русских...» [3, с. 273], защитник: «не было у нас иного заслона от бесчинных кровопроливцев <...> кроме воли народа к обороне да непроходной чащи лесной, служившей западнею для врага» [Там же], воспитатель: «<...> лес научил <...> осторожности, наблюдательности, трудолюбию и той тяжкой, упорной поступи, какую русские всегда шли к поставленной цели. Мы выросли в лесу, и, пожалуй, ни одна из стихий родной природы не сказала в такой

степени на бытовом укладе наших предков» [Там же, с. 272]. Герои, чья судьба связана с сохранением лесом воплощают жизнь, созидание (Иван Вихров, Калина Глухов, Калинка). Напротив, герои, занимающиеся разорением природных богатств, являются воплощением смерти, духовного разложения (Кнышев, Грацианский).

С мифологемой леса тесно связан образ Калины Глухова, он – «<...> архетип божественного, мудрого старца, <...> мифологический хозяин леса, властелин зверей и хранитель родничка <...>» [5, с. 6-7]. Однако в отличие от мифологических героев не все находится во власти Калины Глухова. Так, он не смог спасти Облог от вырубки. Герой смертен, но после себя он оставляет единомышленников. Глухов воспитал и привил любовь к природе своему последователю Вихрову. На протяжении всей своей жизни Иван защищает лесные богатства страны и называет себя лешим: «Это далеко не тот ольховый царь из популярной немецкой баллады, коварный владыка лесов: наш попроще и подушевней. Наш всего лишь – бывшее, крайне непритязательное божество в мочальном вретисце, несет в лесу комендантские обязанности и квартирует под старым пнищем. Как установлено народной молвой, лешие – тоже патриоты своих лесов, к коим приписаны <...>» [3, с. 275]. Природой воспитывался и маленький Калинка, «–волшебный ребенок» <...> названный именем старого лесника, как бы иная ипостась его, явившаяся в мир-лес после смерти-воскресения («после переплава») и проходящая свой обряд инициализации в трагических испытаниях фашистского нашествия» [5, с. 8].

Мифологема родника как «ключа жизни», как символа движения жизни также находит отражение в романе Л. Леонова: «Из-под камня в пространстве не больше детской ладони роилась ключевая вода. Порой она вскипала сердитыми струйками, грозясь уйти, и тогда видно было, как вихрились песчинки в ее размеренном, безостановочном биенье. Целого века не хватило бы наглядеться на него <...> полстраны было окроплено живой водой из этого овражка» [3, с. 74]. Данная мифологема восходит еще к поэзии М. Лермонтова: «Когда студеный ключ играет по оврагу / И, погружая мысль в какой-то смутный сон, / Лепечет мне таинственную сагу / Про мирный край, откуда мчится он <...>» [4, с. 77]. Этот символ жизни пытается уничтожить Александр Грацианский: «<...> вонзил палку в родничок и дважды самозабвенно провернул ее там, в темном пятнышке его гор-тани» [3, с. 259]. Своего рода искуплением вины является самоубийство героя, совершенное в речной проруби.

Таким образом, «Русский лес» прочно занимает свою нишу в философской прозе XX века. Мифопоэтика романа, анализ понятия «жизнь» в качестве материала для исследования позволили писателю соединить в единое целое актуальные вопросы рационального использования и сохранения природных богатств страны, науки и лженауки, патриотизма русского человека в годы войны, развития судеб отдельной личности и всего народа в переломные моменты жизни.

Список литературы

1. **Ершов Л. Ф.** Социально-философский роман Л. Леонова и русская проза 70-х годов // Леонид Леонов и современность: сборник статей / под ред. проф. А. Н. Бугаенко и проф. В. А. Ковалева. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982. С. 32-44.
2. **Крылов В. П.** Леонид Леонов – художник. Очерки. Петрозаводск: Карелия, 1984. 224 с.
3. **Леонов Л. М.** Русский лес: роман. М.: Худож. лит., 1988. 703 с.
4. **Лермонтов М. Ю.** Лирика / сост. Э. М. Лемперт; послесл. К. Н. Ломунова; примеч. В. И. Коровина. М.: Дет. лит., 1984. 175 с.
5. **Минакова А. М.** Философский роман Л. М. Леонова: культурологический аспект // Художественный текст и историко-культурный контекст: сборник в честь 65-летия Аллы Михайловны Минаковой. М., 1996. С. 4-16.
6. **Мирошников В. М.** Романы Леонида Леонова: становление и развитие художественной системы философской прозы. Рязань: Изд-во РГПУ им. С. А. Есенина, 2000. 192 с.
7. **Семенова С. Г.** Метафизика русской литературы: в 2-х т. М.: Издательский дом «ПоРог», 2004. Т. 2. 512 с.

LYRICAL AND PHILOSOPHICAL SOUNDING OF L. M. LEONOV'S NOVEL "THE RUSSIAN FOREST"

Sultanova Yuliya Fanisovna

Bashkir State University (Branch) in Birsk

Juliya.Sj@mail.ru

The article is devoted to the philosophical comprehension of L. M. Leonov's novel "The Russian Forest". The artistic peculiarities of the work, its theme, idea and mythopoetics are studied. As a result of the analysis it is proved that the ideological and aesthetic category of natural life motion around which all other problems touched in the novel group is the basis of the author's message.

Key words and phrases: philosophical prose; critical literature; mythopoetics; mythologem; archetype.